Белорусско-российское сотрудничество в контексте войны в Украине

Евгений Прейгерман

Резюме

Реальные степень и интенсивность сотрудничества Минска и Москвы в контексте войны вызывают множество вопросов.

Опубликовано в Eurasia Daily Monitor

В недавнем интервью посол России в Беларуси Борис Грызлов заявил, что «в рамках специальной военной операции Беларусь играет достаточно серьезную роль». Действительно, на первом этапе войны российские военные заходили в северные регионы Украины и продвигались в направлении Киева через Беларусь, а также запускали с белорусской территории ракеты класса «земля-земля» и «воздух-земля». В апреле 2022 года российские войска полностью ушли с севера Украины (многие сделали это через Беларусь), и с тех пор никаких передвижений наземных войск через белорусско-украинскую границу не происходило. Тем не менее, периодические запуски российских ракет из Беларуси продолжались. Кроме того, Минск поддерживает Москву дипломатически, последовательно голосуя в пользу России в ООН.

Это широко известные факты. Из-за них Беларусь была осуждена на международном уровне и подвергнута беспрецедентным западным экономическим санкциям. Однако, несмотря на эти факты, реальные степень и интенсивность сотрудничества между Минском и Москвой в контексте войны вызывают множество вопросов. По поводу нюансов о роли Беларуси в войне в СМИ в значительной степени доминируют слухи и мнения плохо информированных комментаторов. Все это усугубляется различными предубеждениями, которые

западные политики и эксперты имеют в отношении правительства Александра Лукашенко. А фирменная двусмысленность Лукашенко в публичной риторике и внешней политике еще больше усложняет картину.

> Более того, Беларусь неизбежно оказывается под перекрестным огнем информационно-психологических операций противоборствующих сторон.

Показательно: даже украинский дипломат в Минске признает, что в нескольких случаях заявления властей и армии Украины относительно ракетных ударов с белорусской территории оказывались ложными (интервью, июль 2022 года). Таким образом, задача понять реальную роль Беларуси в российско-украинской войне, а не ее медийное оформление, не так тривиальна, как может показаться.

То, что Минск не сможет продолжать политику ситуационного нейтралитета в конфликте между Москвой и Киевом, которая помогала снижать региональные военные риски в 2014–2020 годах, стало очевидным уже после президентских выборов в Беларуси в августе 2020 года. После выборов Запад начал вводить санкции, которые быстро сузили пространство для геополитического маневра Беларуси и сделали отношения с Россией безальтернативными для правительства Лукашенко. Решения Киева присоединиться к некоторым санкциям и отказаться от Минска как места проведения мирных переговоров еще больше загнали Беларусь в угол. В первые недели полномасштабной войны Минск попытался вернуть себе роль переговорной площадки и даже провел три раунда российско-украинских переговоров. Однако в итоге попытка провалилась, и Беларусь осталась без формального аргумента, позволяющего отойти в сторону от конфликта.

В этих условиях росли ожидания, что Лукашенко будет вынужден отправить белорусские войска воевать в Украине, особенно после того, как Москва начала испытывать трудности на поле боя. Однако ожидания не оправдались. Напротив, белорусские власти постоянно подчеркивают стремление избегать прямого военного вмешательства в конфликт.

Поставляла ли Беларусь российским войскам какое-либо оружие или боеприпасы, сейчас трудно сказать. По словам источника, близкого к правительству, Минск этого не делал и утверждает, что сам «нуждается в них [оружии и боеприпасах], чтобы оставаться полностью готовым противостоять гипотетической атаке НАТО»

(интервью, сентябрь 2022 года). Однако такие утверждения пока невозможно проверить. Официально признано лишь то, что некоторые белорусские больницы лечили раненых российских солдат.

> Вероятно, Минск использует аргумент о «гипотетическом нападения НАТО» более широко, чтобы подчеркнуть, что он должен полностью сосредоточиться на защите Союзного государства Беларуси и России на западном стратегическом направлении.

В вышеупомянутом интервью посол России Грызлов объяснил «важную роль Беларуси в рамках спецоперации» следующим образом: «У нас единая система ПВО и осуществляется общее патрулирование границ Союзного государства, включая его западную часть».

По всей видимости, белорусское правительство пытается достичь, как минимум, трех конкретных целей с помощью аргумента о «гипотетическом нападения НАТО». *Во-первых*, Минск использует его как аргумент последней инстанции против прямого участия армии Беларуси в войне, в то время как другие аргументы (главным образом, аргумент переговорной площадки) оказываются неэффективными. *Во-вторых*, повышая риторические ставки в отношении НАТО, Лукашенко, как и раньше, вероятно, апеллирует к ястребам в российском обществе и политических и военных элитах. *Наконец*, белорусское руководство, скорее всего, пытается получить доступ к военно-стратегическому планированию России, в том числе в ядерной сфере. В этом Минск повторяет давние подходы ряда европейских членов НАТО в рамках совместного использования ядерного оружия (NATO nuclear sharing).

Именно в этом контексте в конце июня Лукашенко попросил Путина рассмотреть возможность совместного ответа на «усиление военной активности стран НАТО вблизи белорусской территории» и, в частности, на учения самолетов США и НАТО, способных нести ядерное оружие. Они договорились, что вскоре Россия поставит Беларуси оперативно-тактические ракетные комплексы «Искандер-М», которые могут использовать баллистические и крылатые ракеты и с обычными, и с ядерными боеголовками.

Кроме того, оба лидера объявили, что Россия модернизирует белорусский самолет Су-25, чтобы иметь возможность нести ядерные боеголовки. В конце августа Лукашенко заявил, что конверсия белорусских самолетов завершена, хотя и не уточнил количество адаптированных самолетов и действительно ли это Су-25 или другая модель.

Белорусский президент также не предоставил подробностей по поводу того, как может работать совместное использование ядерного оружия в рамках Союзного государства. Тем не менее, более ранние заявления и Путина, и Лукашенко указывают на то, что ни одна из сторон не испытывает особого энтузиазма по поводу полной реализации этой идеи. Москва явно намерена сохранить полный контроль над всем своим ядерным арсеналом. Минск же, несмотря на аргумент о «гипотетическом нападении НАТО», вряд ли заинтересован в том, чтобы сделать белорусскую территорию приоритетной ядерной целью для НАТО.

Таким образом, пока модернизацию белорусских самолетов следует рассматривать как отражение политической динамики между Минском и Москвой. И как попытку Беларуси использовать аргумент о «гипотетическом нападения НАТО» в более широких целях.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»